

В. И. Коваль

г. Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины

КУЛЬТ ЦЗАО-ВАНА В КИТАЕ И ЕГО ПАРАЛЛЕЛИ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Цзао-ван – бог домашнего очага – занимает особое место в традиционной культуре Китая, поскольку в народных верованиях этот мифологический персонаж максимально приближен к реальной повседневной жизни благодаря своей включенности в праздничный календарный цикл: «Цзао-вану совершают поклонения в связи с ожиданием и наступлением Нового года для привлечения счастливого жребия на данную семью» [1, с. 116]. Существенно и то, что согласно традиционным представлениям, сохранившимся и в современном Китае, Цзао-ван – «самое близкое божество для простого китайца» [2, с. 151] – на протяжении всего года

осуществляет в каждой семье контролирующую функцию: «Цзао-ван следит за всем, что происходит в доме, и в конце года <...> отправляется к Юй-ди (Нефритовому императору), которому докладывает о всех делах, происшедших в своем доме [3, с. 679].

Изображение Цзао-вана обычно помещалось на новогодних лубочных картинках няньхуа, которые могли выглядеть различно: «На одних лубках может быть изображен собственно Цзао-ван с сопутствующими образами духов, животных и детей. На других изображениях можно видеть супружескую пару – бог очага с женой и сопутствующей символикой». В верхней части новогодней картинки обычно располагается аграрный календарь, содержащий важнейшие для каждого крестьянина сведения: ориентировочные даты больших дождей, снегопадов или жары, периоды равноденствия и смены времен года, а также фазы луны [4, с. 156].

Кроме того, слева и справа от Цзао-вана на картинках няньхуа изображаются «два чиновника с сосудами: у одного сосуд с плохими делами семьи, у другого – с хорошими. В конце года Цзао-ван вынимает из сосудов записи хороших и плохих дел и докладывает о них Нефритовому императору. В соответствии с этим, семье посылается счастье или несчастье» [5].

Известный исследователь истории и культуры Китая академик В. М. Алексеев, описывая свои впечатления о путешествии по этой стране в 1907 году, отмечал широкое распространение культа этого божества: «В кухне вижу культ Цзао-вана, кухонного бога, величание и ублажение которого является самым распространенным в Китае религиозным обрядом, ибо отвечает на самый существенный вопрос: как привлечь счастливый жребий на данный дом так, чтобы не беспокоиться при этом относительно сложного ритуала. На картине-иконе изображен Цзао-ван со всеми его полударскими атрибутами, в число которых входит и конь, на котором он поскачет на небо, когда окончится отчетный год, и будет докладывать там о том, что в этом доме сделано хорошего или худого. Поэтому под Новый год изображение Цзао-вана торжественно сжигают, а вместе с ним и бумажные деньги, носилки, которые пригодятся богу в пути. Затем приносятся в жертву ему и пищевые дары, преимущественно разные сласти, чтобы слова бога звучали сладко и чтобы все дурное и горькое было им забыто. Маленькое жертвоприношение, состоящее из блюда с водой и пучком сена, предназначается коню, на котором бог поскачет на небо. Две параллельные надписи, висящие по бокам картины, описывают компетенцию бога и мольбу к нему: «Иди на небо, говори о хороших делах», «Сойди на землю, заботься о хорошем урожае». В углу картины отпечатан традиционный деревенский календарь. Эта картина-икона – самое частое явление на стенах китайских кухонь» [6, с. 279–280].

В связи с культом Цзао-вана существовал интересный народный обычай «замазывания рта» богу очага перед его отправлением к Небесному владыке, для чего «на самом изображении Цзао-вана обычно мазали губы духа медом или сладкой клейкой патокой, чтобы рот было нелегко открывать и не было желания говорить неприятные вещи» [7, с. 393].

Рассмотрение приведенной информации на фоне сведений о восточнославянском духе дома – Домовом – позволяет говорить как об определенном сходстве, так и об отличительных особенностях китайского Цзао-вана и восточнославянского Домового.

Во-первых, культ Домового у восточных славян так же широко распространен (причем не только в сельской, но и в городской культуре), как и почитание Цзао-вана в Китае. В сравнении с поверьями о других мифологических персонажах – о баннике, лешем, водяном и русалке – верования, связанные с домовым, являются наиболее живучими и «достоверными». На это обстоятельство указывала известный собиратель и исследователь русского фольклора Э. В. Померанцева: «Подчеркнуто антропоморфные черты домового делали его близким, понятным и нестрашным. Он и не погубит, как коварная русалка, не утопит, как могущественный водяной, не утащит в чашу, как злой леший, а рассердившись, лишь ущипнет, насадит синяков, спрячет какую-нибудь вещь и этим ограничится» [8, с. 100–101].

Во-вторых, Домовой, как и Цзао-ван, неизменно осмыслялся как персонаж, тесно связанный с культом предков и даже – как воплощение какого-то конкретного предка: «Обычно Домовой считается умершим членом семьи, первопредком рода; умершим членом семьи, который за грехи назначен Богом в услужение живым домочадцам» [9, с. 121].

В-третьих, основные функции Домового во многом совпадают с «обязанностями» Цзао-вана – доброго старика, который помогает людям и наставляет их на путь добродетели. Репутацию доброго, рачительного мифологического персонажа имеет и восточнославянский Домовой, хотя круг его повседневных занятий гораздо разнообразнее, поскольку он не только выполняет различные хозяйственные работы, но и является хранителем семейных морально-этических ценностей: он «вздувает и поддерживает огонь в печи, убирает дом, сушит зерно, ездит за водой, ухаживает за скотом. <...> Домовой, будучи мифологическим главой дома, следит за отношениями между домочадцами, наказывая зачинщиков ссоры, лжецов, нерях» [9, с. 122].

В-четвертых, явное сходство обнаруживается и в локализации обоих мифологических персонажей: как и Цзао-ван (букв.: очага князь), неизменно находящийся над домашним очагом, Домовой также преимущественно связан с пространством печи, являющейся современным «продолжением» древнего очага: он локализуется «на печи, за трубой, в запечье и подпечье» [9, с. 121].

В-пятых, как и китайцы, всячески «ублажавшие» Цзао-вана накануне Нового года, восточные славяне в предпраздничные дни также стремились «задобрить» Домового: «Чтобы Домовой хорошо относился к семье, в определенные дни ему совершают приношения: хлеб, который кладут под печку, в углу хлева; борщ, кашу, которые в Новый год относят на чердак; на заговины относят туда же кусок мяса или чашку молока. Так же поступают на Пасху и на Рождество» [9, с. 123].

Что касается такой важной функции Цзао-вана, как сообщение Небесному императору информации о поступках домочадцев, то восточнославянский Домовой подобными обязанностями не наделялся, хотя существуют многочисленные поверья о том, что он сам различным образом поощряет добродетельных и наказывает провинившихся домочадцев: «Если Домовой любит семью и скотину, в доме царит благополучие, если он рассердится за что-либо на хозяев дома, то он приносит вред и убытки» [9, с. 123].

В то же время, согласно восточнославянскому поверью, различные поступки людей – как добрые, так и порочные – записывают постоянно находящиеся рядом с человеком добрый ангел и лукавый дьявол. Сравн. фрагмент одного из «Слов» св. Кирилла Туровского: «Да егда же начнет в правде пребывати человек, той приемлет старейшинство аггел Божий над ним и сохраняет его от всякаго лукавства диаволя во дни и в нощи. Имат же свещание в собе и душа та со аггелом, и написает аггел вся дела его благая от уности до старости. Егда же паки начнет человек в злых делех, тогда приемлет власть и старейшинство лукавый диавол сотонин над таковым человеком и, во след его ходя, все грехи написует дневныя и нощныя; аггел же Господень плачет такового человека» [10, с. 383–384] (подчеркнуто нами. – В. К.).

В белорусских верованиях функцию добровольного «информатора» перед Богом о поведении человека выполняет черт, постоянно стремящийся к тому, чтобы ввести человека в грех. Каждый человеческий проступок (т. е. грех) черт записывает на воловьей шкуре, а полный список грехов, совершенных человеком при жизни, черт после его смерти предъявляет Богу, доказывая свои права на получение души грешника [11, с. 104]. Представление о «достоверности» записей, сделанных чертом, положено в основу народного сравнения *как черт на коже написал* ‘о сбывшемся предсказании (обычно плохом)’ [12, с. 742].

Приведенный материал убеждает в том, что наличие значительного числа параллельных представлений о китайском божестве очага Цзао-ване и восточнославянском домашнем божестве Домовом объясняется, в первую очередь, важной оберегово-охранительной ролью, которая отводилась обоим мифологическим персонажам в повседневной жизни китайцев и восточных славян.

Список использованных источников

- 1 Хижняк, О. С. К вопросу об источниках изучения культа китайского бога очага Цзао-вана (по материалам коллекции В. М. Алексеева из собрания ГМИР) / О. С. Хижняк, Е. А. Завидовская, Е. А. Терюкова // Труды Государственного музея истории религии. – Вып. 17. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 115–144.
- 2 Решетнева, У. Н. Прецедентные имена даосских божеств в народных речениях Китая / У. Н. Решетнева // Омский научный вестник. Филологические науки. – 2013. – № 2 (116). – С. 149–152.
- 3 Рифтин, Б. Л. Цзао-ван / Б. Л. Рифтин // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т. 2. Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко, Б. Л. Рифтин, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов, Д. Г. Главева, С. М. Аникеева. – Москва : Вост. лит., 2007. – С. 679–680.
- 4 Цырлина, А. С. Иконография Цзао-вана (на примере памятников из фондов Государственного музея истории религии) / А. С. Цырлина // Китай и соседи. Сборник материалов 2-й всероссийской научной конференции молодых востоковедов. – Санкт-Петербург : Изд-во ЛЕМА, 2017. – С. 155–159.
- 5 Китайский Новый год. Нянхуа [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.liveinternet.ru/users/3944113/post145682362>. – Дата доступа : 16.09.2020.
- 6 Алексеев, В. М. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. / В. М. Алексеев. – Москва : Изд-во вост. лит-ры, 1958. – 312 с.
- 7 Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае / Л. С. Васильев. – 2-е изд. – Москва : Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 488 с.
- 8 Померанцева, Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре / Э. В. Померанцева. – Москва : Наука, 1975. – 191 с.
- 9 Левкиевская, Е. Е. Домовой / Е. Е. Левкиевская // Славянские древности : Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под ред. Н. И. Толстого. – Москва : Междунар. отн., 1999. – Т. 2. – С. 120–124.
- 10 Мельнікаў, А. А. Кірыл, епіскап Тураўскі: Жыццё. Спадчына. Светапогляд / А. А. Мельнікаў. – Мінск : Беларуская навука, 1997. – 462 с.
- 11 Демидович, П. П. Из области верований и сказаний белорусов. Нечистая сила / П. П. Демидович // Этнографическое обозрение. – 1896. – № 1. – С. 91–120.
- 12 Мокиенко, В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Москва : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.

В. С. Новак

г. Гомель, ГДУ імя Ф. Скарыны

МІФАЛАГІЧНЫЯ ўЯЎЛЕННІ ПРА РАСЛІННЫ І ЖЫВЁЛЬНЫ СВЕТ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ФАЛЬКЛОРУ ГОМЕЛЬШЧЫНЫ)

Сярод матэрыялаў па народнай міфалогіі, запісаных у палявых экспедыцыях на тэрыторыі Гомельскай вобласці і захаваных у архіве навукова-вучэбнай фальклорнай лабараторыі кафедры рускай і сусветнай літаратуры ГДУ імя Францыска Скарыны, надзвычай сціпла прадстаўлены звесткі па міфалогіі жывёльнага і расліннага свету. Засяродзім увагу на народных уяўленнях, звязаных з птушкамі і жывёламі.

Напрыклад, семантыка бусла як сакральнай для беларусаў птушкі звязана найперш з дабрабытам і сямейным шчасцем: «Бусел прыносіць шчасце і дзяцей». Невыпадкава зайздросцілі тым людзям, каля падвор'яў якіх буслы будавалі сваё гняздо: «Людзі завідавалі тым, у каго на хаце ці хляве было кубло» (запісана ў в. Рудня-Жураўлёва Брагінскага р-на ад Цярэшчанкі Аляксандра Паўлавіча, 1955 г. н.).